

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Райнхард Гелен

ВОЙНА РАЗВЕДОК

**ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ
СПЕЦСЛУЖБ ГЕРМАНИИ**

1942–1971

Райнхард Гелен Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609035

Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942 – 1971:

Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-0234-8

Аннотация

Книга воспоминаний Райнхарда Гелена – офицера разведслужбы гитлеровской армии во время Второй мировой войны и создателя секретной разведывательной организации в ФРГ – позволяет читателю взглянуть на исторические события 40 – 60-х годов нашего столетия как бы с противоположной стороны фронта – военного и идеологического – и из-за «железного занавеса». Это одновременно достоверный исторический документ и интереснейший рассказ о том, что скрывалось за сухими военными сводками и официальной немецкой пропагандой. Книгу отличают непредвзятость и точность оценок.

Содержание

Введение	5
Глава I	11
СОТРУДНИЧЕСТВО С КАНАРИСОМ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Райнхард Гелен
Война разведок. Тайные
операции спецслужб
Германии. 1942 – 1971

Посвящаю всем моим сотрудникам

Введение

Кто освобождается от каждодневных забот, связанных с исполнением профессиональных обязанностей, и уходит, наконец, на заслуженный отдых, получает достаточно времени, чтобы окинуть мысленным взором свой жизненный путь. И тогда твоя жизнь предстает перед тобой со всеми взлетами и падениями, прямолинейными путями и окольными тропами, которые оказались, как выяснится впоследствии, неизбежными. И ты приходишь к однозначному выводу: в каждой биографии есть черты, характерные лишь для данной личности – единственные и неповторимые – и в то же самое время тесно переплетающиеся с тем общим, что присуще любому человеку. И они-то эти, черты, превращают личность в индивидуальность.

Будучи молодым офицером, я упорно проявлял нежелание дальнейшего изучения иностранных языков и совершенствования тех знаний, которые приобрел в школе. Объяснялось это тем, что я не хотел, чтобы меня, как офицера генерального штаба, направили на службу в отдел «1-Ц», занимавшийся изучением войск противника, и тем более – в разведку. Как и большинство моих сослуживцев, я стремился получить назначение на командную должность. Но судьбою мне было уготовано – и за это я ей очень благодарен – служить именно в подразделениях, занимавшихся изучением и

оценкой иностранных армий и разведывательной деятельностью. Особенности эпохи, несомненно, отражаются на поведении и характере любого человека. На него влияют не только общественная атмосфера, но и крупные события – война, перемещения народов, гибель государств. На формирование личности влияют также внутренняя устойчивость натуры, твердость характера. В моем случае это связано с избранной профессией – солдатским ремеслом. Ведь офицер генерального штаба такой же солдат, как и самый последний рядовой.

Конечно, становлению моего внутреннего «я» способствовали и многие другие факторы. Это и воспитание в родительском доме, учеба в школе, вступление в рейхсвер¹, получение звания лейтенанта... Но самая значительная веха на моем жизненном пути – назначение 1 апреля 1942 года начальником отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба.

Начавшийся с этой даты отрезок жизни стоит того, чтобы о нем вспомнить и рассказать. Именно тогда, кстати сказать, без всякого моего вмешательства, судьба ввела меня в необычный и неповторимый мир – мир разведки. С этого

¹ Рейхсвер – вооруженные силы Германии в 1919-1935 гг., ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 г. (115 тыс. человек по контракту). В марте 1935 г. гитлеровская Германия отменила ограничительные военные статьи Версальского договора и приступила к созданию вермахта на основе всеобщей воинской повинности. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

дня мне пришлось отвечать за ответственный участок секретной деятельности, имевшей исключительно важное значение для безопасности моей отчизны.

Суть деятельности разведывательной службы, наряду с обработкой и оценкой огромного фактического материала, состоит и в прогнозировании будущего. Опытный аналитик может предвосхитить направление развития истории. В обозримом будущем такое предвидение станет еще более возможным, поскольку в его распоряжении ныне имеется огромное количество фактов, которые определяют не только сиюминутную ситуацию, но и указывают направление всеобщего развития.

Естественно, такой вывод не напрашивается сам собой и не падает словно спелое яблоко к вашим ногам. Он – результат большого числа отдельных умозаключений, сделанных исходя из эрудиции и общего кругозора, точного знания положения дел в своей стране и в других государствах и особенно у потенциального противника, которые после тщательной оценки образуют единую мозаичную картину.

Чтобы проделать такую тяжелую и кропотливую работу, необходимо иметь соответственно подготовленный, обученный и целенаправленно организованный аппарат, состоящий из высококвалифицированных специалистов, способных правильно и своевременно выделить, оценить и соотнести отдельные факты и явления, определяющие положение дел и ситуацию в целом. Это – задача внешней развед-

ки, которая, как считают англичане, должна быть важнейшим инструментом, определяющим основные направления внешней политики государства.

В англосаксонском мире, как и в Советском Союзе, не возникает споров о необходимости создания подобной организации и ее задачах. Более того, служба в ней рассматривается, в особенности в Англии, не как сомнительное и даже пользующееся дурной славой дело, а как весьма достойное занятие. Она, эта служба, считается «бизнесом джентльменов», заслуживающим уважения всей нации, и ее не смешивают с бульварными похождениями Джеймса Бонда.

В Германии же как раз все наоборот: необходимость такого государственного инструмента первостепенной важности до сих пор серьезно не воспринимается широкими кругами общественности. Разительный пример – не в последнюю очередь появившаяся в 1971 году серия публикаций о Федеральной разведывательной службе (ФРС) в одном из популярных немецких журналов. Правда, большое число больших и малых неточностей вызвали глубокое сомнение в серьезности и достоверности материала. Ни в одной другой стране, кроме Германии, вплоть до последнего времени не появлялось столько публикаций, содержащих грубый вымысел и даже направленную дезинформацию о таком важном государственном учреждении, как ФРС. Любая разведывательная служба, чтобы стать эффективной, нуждается в поддержке и защите, и прежде всего в соблюдении строгой сек-

ретности. Лишь парламентские комиссии, которым поручен контроль за деятельностью разведки, могут иметь туда доступ.

Подчас понимаемый неправильно принцип «полной свободы прессы» может привести к его ложному истолкованию. А последствия будут самыми нежелательными: вокруг разведывательной службы возникнут кривотолки, которые приведут лишь к затруднению ее деятельности и компрометации сотрудников. Такое недопонимание приведет к тому, что разведывательные задачи останутся невыполненными. Основываясь на личном многолетнем опыте и обмене мнениями с руководителями дружественных нам служб, могу утверждать, что я ничего не преувеличиваю и не одинок в подобных суждениях.

Это убеждение укрепило мое решение написать воспоминания, посвященные созданию и развитию немецкой разведывательной службы после 1945 года. Одновременно я усмотрел возможность выразить в своих записках благодарность всем моим гражданским и военным сотрудникам. Ведь это в первую очередь к ним относятся слова, сказанные в свое время Шлифеном²: «Офицеры генерального штаба имен не имеют». Без их самоотверженной поддержки все мои усилия были бы напрасны, а деятельность разведыва-

² Шлифен Альфред фон (1833-1913) – генерал-фельдмаршал, теоретик молниеносной войны путем окружения главных сил противника. В 1891-1905 гг. начальник германского генерального штаба.

тельной службы оказалась бы безрезультатной.

Глава I

ОТДЕЛ «ИНОСТРАННЫЕ АРМИИ ВОСТОКА»

1 апреля 1942 года я был назначен начальником 12-го отдела генерального штаба – отдела «Иностранные армии Востока», то есть того подразделения, которое занималось изучением положения дел нашего главного противника – Советского Союза. Назначение было произведено в связи с тем, что начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер³ счел целесообразным заменить руководителя отдела еще до начала запланированного наступления немецких войск в направлении Волги и Кавказа. Выбор его пал на меня, по-видимому, потому, что я с конца 1939 года до начала октября 1940 года был его порученцем, а позднее, вплоть до моего назначения на новую должность, служил в оперативном управлении и принимал участие в разработке предстоящей операции. Мне были известны во всех подробностях задачи и состав привлекаемых сил и средств, а также промежуточные и конечная цели планирования.

Обстановка на начало апреля 1942 года характеризова-

³ Гальдер Франц (1884-1972) – генерал-полковник; в 1938 – 1942 гг. начальник генштаба сухопутных сил. Уволен в связи с неудачами на Восточном фронте и разногласиями с Гитлером.

лась тем, что нам удалось на всех участках групп армий «Центр» и «Юг» стабилизировать фронт, прорванный в зимние месяцы. Контрнаступление русских привело на отдельных направлениях к оставлению нами значительных территорий. Имелись существенные потери в снаряжении и боевой технике. Но самым тяжелым было, пожалуй, то, что немецкий солдат после двух лет побед впервые столкнулся если и не с поражением, то с мощными контрударами противника. А это повлекло за собой опасные психологические последствия, хотя вина за случившееся падала в первую очередь на погодные условия – непролазную грязь и морозы до минус 56 градусов, а также на нехватку, особенно вначале, зимнего обмундирования и сильно поредевший боевой состав частей и подразделений.

Не только по соображениям психологического порядка было необходимо как можно быстрее восстановить нашу инициативу, проведя новое мощное наступление. Предсказанные отделом «Иностранные армии Востока» советские контрудары в середине ноября 1941 года показали, что Сталин в случае необходимости пускал в дело дивизии с Дальнего Востока, чтобы выровнять положение на своем западном фронте. Зимние сражения показали также, что русские способны к импровизации. Каждая передышка давала возможность Советам восстанавливать подорванные летом 1941 года силы и оттягивать до бесконечности решающее сражение. Вместе с тем у нас самих возрастала опасность ведения вой-

ны на два фронта. Ибо самое позднее начиная с 1943 года необходимо было считаться с возможностью начала наступательных операций в Европе крупных американских сил. Таким образом, уже в начале 1942 года Гитлер оказался в таком же положении, как и верховное главнокомандование немецкой армии во время Первой мировой войны. Точнее говоря, обстановка напоминала февраль 1917 года.

Во время моей службы в оперативном управлении мы получили задание исследовать, где и какими силами можно было провести новое крупное наступление. При этом выяснилось: вермахт и военная промышленность, несмотря на все усилия, не в состоянии восполнить потери в живой силе и технике, чтобы обеспечить переход в наступление на всем протяжении гигантского фронта, протянувшегося от Крыма до Ленинграда, даже если бы мы пустили в дело дивизии, сформированные для действий против Великобритании. Поэтому пришлось ограничиться наступательными операциями более узкого масштаба: отражение контрударов противника прежде всего в Крыму и под Харьковом, овладение Ленинградом, чтобы вывести из строя Балтийский флот и установить, наконец, прямую и прочную связь с финнами.

Все имевшиеся в нашем распоряжении силы и средства должны были использоваться для наступательных операций лишь там, где русские будут вынуждены перейти к решительным действиям. По мнению генерал-полковника Гальдера, таким направлением могла быть только Москва. Овладение

советской столицей, наряду с воздействием психологического характера, повлекло бы парализацию не только политического центра страны, но и главного транспортного узла коммунистической империи, что привело бы если и не к потере возможности ведения Советами дальнейших военных действий, то значительно усложнило бы их. Однако по этому вопросу между Гитлером и Гальдером возникли серьезные разногласия. Фюрер настаивал на ударе в направлении Сталинграда, чтобы лишить русских возможности пользоваться Волгой – главным водным путем – и захватить Кавказ. Он аргументировал свои доводы тем, что оккупация нефтеносных районов будет иметь решающее значение для дальнейшего хода войны. В противном случае снабжение Германии горючим и смазочными материалами через шесть месяцев будет полностью парализовано. Однако это утверждение оказалось неверным, поскольку и без кавказской нефти мы смогли вести боевые действия еще в течение двух с половиной лет.

В отношениях между Гитлером и Гальдером не обошлось без напряженности и в 1940 году во время военных действий на Западе. Они еще более ухудшились в 1941 году, когда Гитлер настоял на том, чтобы основной удар перенести в августе на юг – в направлении Клева. Правда, это решение привело к крупнейшему во всемирной истории сражению на окружение войск противника в битве за Киев. Тогда к нам в плен попали почти два миллиона советских военнослужащих. Но

эти «канны» оказались лишь пирровой победой, следствием которой, как и опасался Гальдер, явилась неудача под Москвой, что привело к затягиванию военной кампании со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями. Разногласия по поводу ведения боевых действий 1942 года обострили до крайности отношения между Гитлером и Гальдером. Дело в конце концов окончилось разрывом: 24 сентября 1942 года начальник Генерального штаба был уволен в отставку по собственной просьбе. Вот что говорил сам Гальдер по этому поводу: «Я буду возражать Гитлеру до тех пор, пока он меня не отпустит, ибо никакими деловыми аргументами его уже не убедить».

Личные прошения высших руководителей вермахта об отставке Гитлер всегда отклонял, но просьбу Гальдера удовлетворил.

Главную роль в том, что Гитлер принял решение развернуть летом 1942 года наступление на юге России, сыграли экономические доводы, но никак не военные и политические соображения, требовавшие отказа от проведения эксцентричных операций в глубине огромной советской территории. Отрицательным фактором было и то обстоятельство, что на южном направлении, за Доном, имелась явно недостаточная сеть шоссейных дорог и лишь один железнодорожный путь, что никак не обеспечивало нормальное снабжение немецких войск. Но Гитлер проигнорировал и эту объективную реальность.

Понятно, что в таких условиях было очень важно заставить противника еще в начальной стадии операции ввязаться в бой и разбить его наголову. А отсюда вытекала необходимость, чтобы вверенный мне отдел как можно раньше представил руководству полные и достоверные данные о положении войск противника и его текущих и долгосрочных планах.

Таким образом, в силу своих новых обязанностей мне пришлось возглавить службу «1-Ц»⁴ всего Восточного фронта. К этому с первых же дней моего вступления в должность добавилась еще одна задача: оценивать потенциал нового мощного противника – Соединенных Штатов Америки и их сухопутных сил.

В мирное время наш отдел должен был, взаимодействуя с другими службами генштаба, составлять по возможности максимально полную картину военного и военно-промышленного потенциала, а также состояния вооруженных сил восточноевропейских государств. Вместе с тем руководство должно было располагать информацией и о том, с какими географическими, природными и метеорологическими условиями ему придется считаться. Эта информация передавалась и в войска. Особое значение придавалось получению данных о боевом духе войск предполагаемого противника, которые закладывались в основу, как мы сказали бы сегодня, психо-политического анализа. Сведения, которыми мы рас-

⁴ Эта служба занималась оперативной разведкой.

полагали о советских солдатах еще в мирное время, были полностью подтверждены в первый же год восточной кампании. Предсказанные твердость и выносливость русского солдата, его нетребовательность и невзыскательность в отношении материальных условий позволяли Красной Армии вести боевые действия даже в случаях, когда сражение было уже проиграно. Подтвердилось и предположение, что кадровый состав командного звена хорошо подготовлен в идеологическом плане, чего нельзя сказать о большинстве командиров, призванных из резерва. В случае серьезных поражений, которые потерпят Советы, мы не без оснований прогнозировали рост числа перебежчиков.

Ныне совершенно очевидно: так называемый приказ о комиссарах⁵, против введения которого безуспешно выступали главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич, Гальдер и различные управления и службы генерального штаба, в особенности отдел «Иностранные армии Востока», объективно препятствовал массовой сдаче русских в плен: они боялись попасть к немцам, считая, что их сразу же уничтожат. На самом деле в очень многих случаях этот приказ на фронте не выполнялся. Здравый смысл наших офицеров и солдат протестовал против такого распоряжения, нарушавшего положения Гаагской конференции о военнопленных и вступавшего в противоре-

⁵ В этом приказе главнокомандования вермахта предписывалось немедленно расстреливать всех взятых в плен комиссаров и политработников.

чие с их совестью. Тысячи комиссаров и политработников попадали в плен, и многие из них становились убежденными сторонниками власовского движения. Приказ о комиссарах имел роковые последствия в психологическом плане для самих немецких вооруженных сил. Его неисполнение влекло за собой строгие наказания солдат и младших офицеров. Чтобы избежать штрафных санкций, полевые командиры искажали свои донесения, чтобы скрыть истинное положение с военнопленными на своих участках фронта. Высшее командование таким образом вводилось в заблуждение, а воинская мораль падала.

В мирное время, чтобы получить полное и точное представление о советских вооруженных силах, использовались все возможные источники информации – данные внешней разведки и контрразведки, а также донесения военных атташе и сведения министерства иностранных дел. Само собой разумеется, использовались и материалы открытой печати, из которых, несмотря на строжайшую цензуру советских властей, путем тщательного анализа можно было извлечь интересные нас факты.

Кстати, такой метод применялся и для изучения других стран и регионов. Так, например, план вооружений США, подготовленный для первого чтения в конгрессе лишь в восьми экземплярах, в результате скрупулезной обработки американской прессы стал нам известен уже весной 1942 года. Генерал Видемайер, учившийся в 1936-1938 годах в

немецкой военной академии в Берлине, пожалуй, один из наиболее одаренных в оперативном отношении американских военачальников Второй мировой войны, рассказывал мне в 1960 году, что вашингтонскому правительству так и не удалось выяснить, каким образом совершенно секретные документы попали тогда в печать. В то время Видемайер был заместителем начальника оперативного управления вооруженных сил США. Во всей этой истории ему пришлось пережить самые тяжелые часы в своей жизни, но он был полностью оправдан в ходе расследования. Генерал очень красочно обрисовал мне этот эпизод, упомянув о возникшем тогда подозрении, что источник утечки информации находился в ближайшем окружении президента Рузвельта.

Несмотря на все трудности, вызванные строгими контрразведывательными мерами Советского Союза и запретом фюрера на ведение разведки в СССР нашей службой после подписания пакта между Гитлером и Сталиным, моему предшественнику все же удалось получить довольно полную картину реальной советской военной мощи, детальные сведения о театре военных действий и планах развертывания Красной Армии. На их основе был разработан план «Барбаросса», который лишь уточнялся в ходе дальнейших событий.

Оценка обстановки, сделанная отделом «Иностранные армии Востока» вскоре после моего вступления в должность, то есть по прошествии почти десяти месяцев после начала

войны против Советского Союза, нашла отражение в докладах, которые я сделал слушателям военной академии в июне и сентябре 1942 года.

«Военная мощь России и объем выпуска вооружений в начале 1942 года» – тема моего первого доклада. Мне представлялась возможность сделать сообщение представителям высших штабов по всем казавшимся мне важными проблемам и выводам нашего отдела. Я исходил при этом из того, что мои высказывания будут доведены до сведения широкого круга офицеров. Это было особо необходимо в то время, поскольку Гитлер имел обыкновение игнорировать неприятные для него известия и запрещал даже говорить о них. Мне приходилось пользоваться тщательно продуманными формулировками, чтобы обрисовать истинное положение вещей и вместе с тем не вызвать подозрений в «пораженчестве» со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.

По имевшимся в моем распоряжении документам и данным я изложил слушателям примерно следующее.

В июне 1942 года на основе поступившей информации можно было дать довольно точную оценку советского военного потенциала, каким он был в конце весны 1942 года. Наряду с данными, поступившими по разведывательным каналам, а также сведениями, добытыми войсками, мой отдел использовал и открытые, в том числе и статистические, материалы о Советской России для оценки военной мощи Моск-

вы.

Для анализа численности и состава населения Советского Союза были взяты данные проведенной в 1939 году переписи. Это давало возможность более или менее точно определить людские ресурсы, имевшиеся в распоряжении советского военного командования.

С началом войны, на основе эмпирической формулы, исходящей из расчета мобилизационной квоты в пределах до десяти процентов от общей численности населения, можно было предполагать, что численность вооруженных сил противника составит примерно 19 миллионов человек, если русским удастся провести полную мобилизацию всех своих людских ресурсов. Это предположение было впоследствии подтверждено расчетами, досконально учитывавшими все детали.

Из общего числа населения Советской России на весну 1942 года мы в своих расчетах вычли жителей потерянных ею территорий и потери в людях в результате военных действий. В ходе войны вермахт оккупировал наиболее густонаселенные районы Советского Союза с примерно одной третью всей численности жителей, то есть около 66 миллионов человек.

Правда, в эти расчеты не были включены жители районов, уже призванные в ряды Красной Армии, а также находившиеся в ее кадрах. Однако на основе данных министерства по вопросам оккупированных восточных территорий мож-

но было с достаточной достоверностью полагать: примерно одна треть мужчин, считавшихся военнообязанными в начале войны, уже не могла быть призвана отсюда в Красную Армию. Теоретически население Советов сократилось на 22 миллиона человек (одна треть от 66 миллионов жителей оккупированных нами территорий) и составило примерно 177 миллионов. Это количество людей, оставшихся в распоряжении советского правительства, мы и учли при оценке тогдашних военных возможностей противника.

Для определения структуры населения страны пришлось также использовать данные переписи 1939 года, поскольку имелись лишь сведения о ежегодной смертности по всему населению в целом без распределения по возрастам и отдельным народностям Советского Союза. Данные эти мы сочли вполне приемлемыми, так как наиболее многочисленный контингент 1924 года рождения (период так называемого нэпа) в своей значительной части к тому времени еще не был призван в армию, а численность населения Советской России в старых границах, то есть без учета прибалтийских республик и аннексированной части Польши, составила около 96 процентов всех рассматриваемых людских ресурсов.

Чтобы наши расчеты были максимально реальными, следовало учитывать определявшие в те годы структуру населения Советской России два следующих фактора:

а) русский народ в то время был молодым. Почти половину населения составляли люди моложе 20 лет (в Герма-

нии для сравнения – менее одной трети). Вместе с тем высокая ежегодная смертность, составлявшая 1,7 процента (в Германии – 1,2 процента), а также последствия русско-японской, Первой мировой, гражданской и русско-польской войны привели к резкому переходу к старшим возрастам. А это означало, с одной стороны, что относительно большое число жителей имело призывной возраст (в последующие годы количество призывников будет еще увеличиваться), а с другой – возможность призыва в армию старших возрастов была значительно меньшей, нежели в Германии;

б) процент женщин в России был необычно высоким (более 52 процентов), что объяснялось не только последствиями прошедших войн, но и особенностями советской системы, при которой смертность среди мужчин была значительно выше, чем у женщин. Это необходимо было учитывать при расчете призывных возрастов (количество мобилизованных вследствие этого уменьшается). Положительной же стороной можно было считать возможность более широкого привлечения женщин на различные работы.

По полученным нами сведениям, а также документам, полностью призыву подлежали мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Из некоторых данных следовало: частичной мобилизации подверглись 46– и 47-летние мужчины.

В своем докладе я упомянул также о том, что, в соответствии с опубликованным 18 сентября 1941 года приказом народного комиссара обороны, с 1 октября мужчины в возрасте

с 16 до 50 лет были обязаны проходить вневоинскую военную подготовку. Конечно, в войсках находились в ограниченном количестве представители и других возрастов – в качестве добровольцев или старослужащих, но это не меняло общую картину.

Призыву, таким образом, подлежали 35 миллионов мужчин, из которых – по немецким законам и положениям о годности, поскольку другими данными мы тогда не располагали, – к службе в армии отбиралось около 28 миллионов. Использование в наших расчетах немецких положений о годности было, по всей видимости, вполне оправдано (к тому же в ходе войны большинство ограничений было практически сведено на нет), поскольку состояние здоровья людей в России, как было доказано документально, было значительно хуже, чем в Германии. Да и этот недостаток, с учетом того, что Советская Россия вела тотальную войну, можно было практически не принимать во внимание.

Из общего числа 28 миллионов годных к военной службе человек мы вычли бронированных. По нашему собственному опыту, они составили 11 миллионов (исходя из оставшихся в распоряжении Советов 177 миллионов жителей). На самом деле в неоккупированных нами районах Советской России с населением 130-140 миллионов человек число бронированных годных к военной службе мужчин составило от 9 до 10 миллионов.

Таким образом, по нашим расчетам, Красная Армия мог-

ла располагать 17 миллионами человек, годных к военной службе. Оставалось лишь вычесть из этого числа военные потери, которые понесла Россия после проведения переписи населения в 1939 году. Как мы прикинули, основываясь на донесениях наших войск и сведениях союзных нам держав, они составили:

а) в финской войне – зимой 1919 года:

430 тысяч убитых и инвалидов;

б) в германо-русской войне до 1 мая 1942 года:

3,6 миллиона пленных,

1,7 миллиона убитых,

1,8 миллиона инвалидов.

Итого: 7,53 миллиона человек.

Из этих расчетов были сделаны следующие выводы.

Фактически в распоряжении советских вооруженных сил за вычетом указанных потерь (17 минус 7,5 миллиона) оставалось 9,5 миллиона годных к военной службе человек.

Эти 9,5 миллиона распределялись в Вооруженных Силах России, по имевшимся у нас данным, следующим образом:

а) сухопутные войска: 6 – 6,5 миллиона человек. Расчетное число было в последующем подтверждено данными из надежных источников: Сталин, например, в конце марта 1942 года заявил: «Мне приходится удовлетворять потребности шестимиллионной сухопутной армии». Помимо того,

были получены соответствующие сведения и от одного из иностранных дипломатов;

б) Военно-Воздушные Силы: 1,5 миллиона человек;

в) Военно-Морской Флот: 300 тысяч человек.

Таким образом, в советских Вооруженных Силах находилось примерно 7,8-8,3 миллиона годных к военной службе человек, а имевшийся в их распоряжении людской резерв составлял от 1,2 до 1,7 миллиона.

Резерв этот, однако, мог быть включен в состав Вооруженных Сил, по всей видимости, лишь частично и постепенно, поскольку в него входили:

1) Представители национальностей, которые до сих пор к службе в Красной Армии не привлекались.

а) поляки, около 50 процентов которых были переселены в районы Средней Азии, а остающиеся еще в России должны были в ближайшее время последовать за ними;

б) немцы, которые с сентября 1941 года были выведены из состава действующей армии и использовались лишь в строительных подразделениях в тылу;

в) представители южнокавказских и татаро-монгольских народностей, также национальных меньшинств с ныне оккупированных нами территорий, которые, судя по попавшим в наши руки приказам, также исключены из состава боевых частей.

Уменьшение людских ресурсов в результате этого оценивалось нами в 400 тысяч человек;

2) Тыловые службы и запасные полки и подразделения.

Хотя в Советском Союзе до сих пор нет резервной армии в нашем понимании, в составе которой проводилось бы обучение новобранцев, а есть военная структура, обеспечивающая личный состав обмундированием и направляющая его дальше – в подразделения и части, все равно в штатах этой организации находится несколько сот тысяч человек, которые не используются на фронте.

3) Выздоровливающие от тяжелых ранений.

Число их составляет около 1 миллиона человек (из них ежемесячно на фронт могут быть направлены около 200 тысяч человек).

В результате получается следующая картина.

Из имеющегося теоретически людского резерва в 1,2-1,7 миллиона человек под ружье предстоящим летом может быть поставлена лишь часть из них, да и то не сразу, а постепенно, небольшими партиями. Поэтому, надо полагать, уже скоро советское руководство будет вынуждено прибегнуть к следующим дополнительным мерам для формирования новых частей и подразделений:

а) призыв семнадцатилетних юношей, которым в 1942 году еще должно исполниться 18 лет (1924 год рождения может дать дополнительно около 1,4 миллиона человек, годных к военной службе);

б) мобилизация во все больших масштабах из военной промышленности, а также крестьян (уже теперь число рабо-

тающих там женщин составляет в России 60 процентов, в Германии же – 41 процент);

в) другие меры, которые, однако, дадут меньшие результаты (призыв старших возрастов и лиц, ранее признанных негодными к военной службе, привлечение к военной службе женщин, использование иностранцев).

Количественные результаты этих вынужденных мер оценить трудно. Каковы будут на самом деле результаты использования теоретически рассчитанных людских резервов и число призванных в Красную Армию за счет дополнительных мер, покажут ближайшие месяцы.

Если же принять во внимание, что Россия – не обычное государство Средней Европы, а наполовину азиатское, имеющее к тому же территорию в 32 раза больше Германии и занимающее примерно одну шестую часть суши, то, по-видимому, можно предположить: расчетные людские ресурсы будут использованы фактически лишь частично.

Тем не менее нельзя полагаться на то, что советский людской поток будет иссякать. Учитывая энергичные действия военного руководства СССР, следует исходить из того, что противник, невзирая на возможные негативные последствия для гражданского населения, военной промышленности и продовольственного снабжения, будет предпринимать все меры для усиления фронта.

Из остающихся в распоряжении противника людских резервов, численностью от 1,2 до 1,7 миллиона человек, кото-

рые еще не переданы в полевые войска, он попытается восполнить потери, имевшиеся на начало этого года, а также те, которые возникнут позже. Но до осени Советы смогут сформулировать из них лишь небольшое число новых стрелковых дивизий (с соответствующими частями усиления) и бросить их в бой. Однако призыв молодежи 1924 года рождения, который, по последним сведениям, уже начался, все же позволит противнику к концу лета сформировать несколько новых дивизий и направить их на фронт, как только они получат вооружение.

Перечисленные выше меры позволят, таким образом, русским, несмотря на все трудности, обеспечивать фронт людьми еще долгое время, хотя, может быть, и в постоянно уменьшающихся размерах.

Потерь, подобных понесенным в сражениях под Белостоком, Вязьмой и Брянском, противник более не выдержит без серьезных последствий. Столь многочисленные людские резервы, как зимою 1941/42 года, он, по всей видимости, во второй раз уже бросить на чашу весов не сможет.

Такой вывод, однако, ни в коем случае не уменьшает опасность того факта, что на стороне противника по-прежнему будет оставаться численное превосходство в людях.

Далее я остановился на советских Вооруженных Силах, их численности и в особенности – на их организации. В начале войны русские сухопутные войска имели 227 частично отмобилизованных дивизий, развернутых в приграничных райо-

нах европейской части страны. В результате успешного ведения немецкими войсками боевых действий в течение 1941 года эти силы были значительно ослаблены. Тем не менее людские резервы противника, казалось, не были еще ощутимо исчерпаны, поскольку на фронт направлялись все новые части. Нами было установлено, что Советы восполнили понесенные ими потери за счет отправки на фронт имевшихся во внутренних районах страны дивизий, проведения второй волны мобилизации, о чем мы уже упоминали, а в критических ситуациях и поспешного формирования маршевых подразделений и использования ополченцев.

Благодаря организационным способностям местного руководства, а также присущим Советскому государству чрезвычайно жестким порядкам, что, кстати, оказалось для нас совершенно неожиданным, Советам удалось за короткое время мобилизовать многие миллионы жителей из глубинных районов страны, сформировать из них новые дивизии, обмундировать, вооружить, организовать на скорую руку боевую выучку и направить на фронт. Несмотря на то что русские в сражениях под Киевом, Вязьмой и Брянском понесли огромные потери, мы установили к настоящему времени наличие в Красной Армии примерно такого же числа дивизий и частей, что и в начале войны. А общая численность войск на фронте в результате принятых Советами мер даже возросла с 3 миллионов человек по состоянию на 1 декабря 1941 года до 4,5 миллиона – в конце января 1942 года и с

тех пор удерживалась на этом уровне.

В своем докладе я отметил и структурную реорганизацию Красной Армии. Она была связана с большими потерями, понесенными боевыми частями, нехваткой имеющих боевой опыт офицеров и низкой боевой подготовкой вновь сформированных дивизий. К числу организационных изменений относилось прежде всего введение вновь танковых корпусов, которые в своем большинстве состояли из 3-4 танковых и 1 моторизованной бригады. До поздней осени 1941 года советское военное командование использовало танки не в составе танковых дивизий, а лишь как средство непосредственной поддержки пехоты.

Из попавших в наши руки документов далее следовало, что стрелковая дивизия, численный состав которой был снижен из-за крупных потерь осенью 1941 года, в марте 1942 года перешла на новые штаты. Здесь следует отметить:

а) появление учебного батальона⁶ для подготовки младшего командного состава;

б) усиление огневой мощи пехоты (12 пулеметов в каждой роте вместо имевшихся 9, а всего в дивизии 328 пулеметов – вместо прежних 251);

в) усиление пехотных противотанковых средств: в каждом батальоне вводилась рота противотанковых ружей, в результате чего дивизия стала иметь 273 ПТР вместо 81;

г) усиление дивизионного артиллерийского полка за счет

⁶ В действительности это было учебное подразделение.

дополнительного артиллерийского дивизиона двухбатарейного состава (по данным, полученным от пленных, советское командование отказалось от распределений орудий гаубичного полка артиллерийского резерва по дивизиям);

д) отказ от введенной в декабре 1941 года в каждую стрелковую дивизию батареи залпового огня⁷ в связи с производственными затруднениями, а также решением применять это оружие лишь массированно;

е) оснащение стрелковых дивизий 45-миллиметровыми противотанковыми орудиями (ПТО) вместо бывших до того на вооружении 57-миллиметровых пушек.

Штатная численность стрелковой дивизии составляла теперь около 12 800 человек (гвардейская стрелковая дивизия насчитывала 13 100 человек личного состава), то есть на 1 тысячу человек больше по сравнению с известными нам данными на декабрь 1941 года.

Число бригад, специально сформированных для ведения боевых действий в зимних условиях, было, по нашим сведениям, ограничено.

Организация танковой бригады в конце 1941 года – начале 1942 года выглядела в основном следующим образом: танковый полк в составе трех батальонов – батальона тяжелых танков (1 рота тяжелых и 2 роты средних танков), батальона легких танков (3 роты легких танков) и мотострелкового ба-

⁷ Имеются в виду реактивные минометы «Катюша».

тальяна. Общее количество танков – 63 единицы. Кроме того, в бригаду входили зенитная батарея и разведывательная рота. По сведениям, полученным от одного из пленных, которые впоследствии были подтверждены, число танков было сокращено до 46. Это было сделано, по-видимому, для того, чтобы сохранить численность танковых частей. По нашим расчетам, танковая бригада 1942 года имела в своем составе 10 тяжелых, 16 средних и 20 легких танков.

Что касается советских Военно-Воздушных Сил, то нами весной 1942 года было установлено сосредоточение авиации противника в районе действия немецкой группы армий «Юг». Мы расценили это как признак того, что Советы либо сами собирались действовать там активно, либо ожидали нашего наступления на данном направлении.

В составе авиации противника мы насчитывали около 390 самолетов иностранного производства, которые были задействованы в основном в районе боевых действий группы армий «Центр». Остальные использовались в воздушном пространстве группы армий «Север» и на Карельском фронте.

Свой доклад о советских Вооруженных Силах, какими они нам представлялись ранней весной 1942 года, я закончил словами:

«Следует сделать вывод, что противник в первых боях понес большие потери. Прошедшие сражения показали: немецкие солдаты сохраняют превосходство над противником.

Там, где наши наступательные операции проводятся при соответствующем сосредоточении сил и средств, успех обеспечен. Однако нельзя недооценивать, что противник до сих пор сохраняет численный перевес в людях и материальных средствах. Чтобы добиться победы в предстоящих решающих битвах, потребуется большое напряжение сил».

Я специально подчеркнул, как целесообразнее всего использовать наши силы, и серьезно предупредил о недопустимости пренебрежительной недооценки возможностей, которые еще имелись у Советов.

«Экономический потенциал Советского Союза» – так назывался мой второй доклад. В нем я постарался в самом сжатом виде, но достаточно убедительно изложить множество имевшихся в нашем распоряжении данных и дать оценку экономического потенциала Советского Союза. Кроме того, мною были приведены факты, характеризующие помощь Москве со стороны англосаксонских держав. Сбор таких данных постоянно находился в центре нашего внимания, поскольку эти меры западных союзников очень беспокоили германское руководство.

Привожу краткое содержание доклада.

1. *Уголь*

Общий объем добычи каменного и бурого угля в России, по нашим подсчетам, составил бы в 1942 году, если бы не

было войны, 200 миллионов тонн. Однако из-за потери ряда районов, оккупированных немецкими войсками, эта цифра реально не превысила 70-80 миллионов тонн. Основными угледобывающими районами оставались: Кузнецк (максимальная добыча там за последние годы возросла с 7 до 26 миллионов тонн), Урал (добыча возросла с 7 до 12 миллионов тонн) и Караганда (максимальная добыча – до 10 миллионов тонн). Оставшиеся в распоряжении Советов восточные районы Донбасса потеряли свое значение, так как добыча угля в конце прошлого года там почти полностью прекратилась: крупнейшие шахты были затоплены.

При рассмотрении объемов добываемого угля и потребностей в нем страны складывалась следующая картина. Основными потребителями наряду с железнодорожным ведомством, которое «съедало» половину добытого угля, были промышленные районы Средней и Верхней Волги, а также Москва, Урал и индустриальные центры Сибири. Угля с Урала, из Караганды и Кузбасса, по имевшимся у нас данным, едва хватало, чтобы удовлетворить потребности восточных промышленных районов. Урал, например, получал более половины необходимого угля из Сибири и Караганды. Кузбасс, как нам удалось выяснить, снабжал углем, кроме Урала и сибирских промышленных районов, еще и вновь созданный промышленный район Ташкента.

Таким образом, потребность восточных районов Советского Союза в угле в основном покрывалась. Но в западных

районах страны положение было критическим. Промышленность волжского региона и железнодорожные структуры там уже с февраля 1942 года покрывали свою потребность в угле за счет поставок из Караганды и Кузбасса. Эшелоны с углем из этих весьма удаленных районов прибывали нерегулярно, что привело к сокращению производства в ряде промышленных городов. Так, например, в марте 1942 года власти были вынуждены остановить даже несколько мукомольных комбинатов в Куйбышеве.

Волжское пароходство тоже страдало из-за нехватки угля. В связи с этим железная дорога, в особенности в западных районах, стала спешно переходить на использование нефти в качестве топлива для паровозов.

Как явствовало из статистических данных, которыми мы располагали, районы Поволжья и западнее Волги – вплоть до линии фронта, установившегося зимой, потребляли в довоенное время от 15 до 20 миллионов тонн угля, который поступал главным образом из Донбасса. Ранней же осенью 1942 года уголь доставлялся из Караганды и Кузбасса, при этом преодолевались расстояния более 2500 километров.

Хотя добыча угля в восточных районах страны увеличилась, это не могло покрыть значительно возросшую потребность в топливе промышленных центров Урала, Средней Азии и Центральной Сибири. К тому же промышленность Поволжья и железные дороги в западных районах требовали все большего количества угля. Но доставка его туда при-

вела бы к огромной дополнительной нагрузке на и без того забитые до отказа линии сообщения восток – запад. Поэтому власти западного и волжского региона стали энергично изыскивать дополнительные источники топлива. Нам было известно, что восточнее и северо-восточнее Москвы в качестве дополнительного топлива использовался торф, ежегодная добыча которого составляла около 11 миллионов тонн. Этот горючий материал использовался главным образом на тепловых электростанциях.

2. Кокс

В результате потери важнейших коксовальных установок в Донбассе производство кокса в Советском Союзе упало настолько, что его было совершенно недостаточно, несмотря на значительное увеличение мощностей на Урале и в Кузнецком бассейне. Общий объем производства кокса, по нашим сведениям, составлял в 1942 году не более 10 миллионов тонн, то есть около 40-45 процентов производившегося в России перед началом войны. И если в Кузнецком бассейне пригодного для коксования угля было вполне достаточно, то Урал был вынужден завозить две трети своих потребностей в коксе из Караганды и Кузнецка.

3. Производство чугуна и стали

Кокс, как известно, играет в производстве чугуна и стали решающую роль.

Используя имевшиеся у нас данные, мы подсчитали, что добыча железной руды в России в 1942 году в условиях мирного развития страны должна была составить около 40 миллионов тонн. Таким образом, производство чугуна могло достичь 22 миллионов тонн и стали – 28 миллионов тонн в год. Однако в результате военных действий добыча железной руды в 1942 году вряд ли превысит 13 миллионов тонн, а производство чугуна – не более 7 миллионов тонн и стали – 8 миллионов тонн. Следовательно, Россия потеряла фактически две трети чугуна и стали.

Основные районы, где производились чугун и сталь, – Урал (65 процентов) и Сибирь (35 процентов).

Для выплавки стали, кроме чугуна и кокса, необходимы и такие ее обогатители, как марганец и вольфрам. Поэтому я коснулся в докладе добычи и этих видов сырья.

4. Марганцевая руда

Тогдашней добычи марганца на Урале и в Западной Сибири, по нашим расчетам, не хватало, даже чтобы покрыть потребности уральских и сибирских металлургических заводов. Для производства 7 миллионов тонн чугуна в год недоставало, как мы полагали, около 500 тысяч тонн марганцевой руды. Поэтому тамошняя металлургическая промышленность находилась в большой зависимости от кавказской марганцевой руды из Чиатуры. Потеря Кавказа вызвала бы в связи с этим значительное сокращение выплавки стали в

Советском Союзе, которой тогда и так не хватало.

5. Вольфрам – молибден

Богатейшие залежи вольфрама и молибдена находились на Кавказе в районе Эльбруса, южнее Нальчика. В Европе они уступали только португальским. По нашим сведениям, в 1941 году в России было получено 700 тонн вольфрамового и 450 тонн молибденового концентрата. Поскольку места добычи и обогащения этих руд находились в горах на высоте более трех тысяч метров, у Советов возникали определенные трудности, прежде всего с рабочей силой: требовалось специальное питание и замена людей через определенные промежутки времени.

Как нам стало известно, переработка полученных концентратов производилась также в кавказском регионе, а точнее – на металлургическом комбинате Зестафони в Грузии. По нашим прикидкам, вывод из строя этого комбината привел бы к сокращению выплавки легированной стали, столь необходимой для военного производства, как минимум, на 30 процентов.

6. Алюминий

По нашим данным, на Урале находились крупные залежи бокситов – сырья для производства алюминия. Поэтому даже потеря Советами находившихся в прифронтовой полосе бокситовых рудников под Тихвином не оказала бы суще-

ственного влияния на выпуск алюминиевой продукции. Однако до войны в уральском регионе имелось очень мало заводов по производству этого металла. После потери крупнейших металлургических комбинатов в Запорожье и Волховстрое производство алюминия в Советском Союзе значительно снизилось. Тем не менее уже в первой половине 1942 года нами был установлен значительный рост продукции в этой отрасли: общий объем производства алюминия возрос до 100 тысяч тонн по сравнению с 75 тысячами тонн в довоенное время. И все же потребности военной промышленности полностью не удовлетворялись: производство алюминия оставалось узким местом. Для сравнения: тогдашнее его производство в Германии превышало советское в четыре раза.

7. Каучук

Мы установили, что Россия проводила большую работу по извлечению сырка из каучуконосных растений, а также по синтезированию каучука, чтобы избавиться от его ввоза. Усилия по извлечению сырка к началу войны находились еще в начальной стадии. После же потери важнейших районов выращивания каучуконосов они, эти усилия, не могли уже играть существенной роли. Производство синтетического каучука после эвакуации на восток двух крупнейших заводов из Ефремова и Воронежа в 1942 году было сосредоточено на трех предприятиях: два из них находились на Верх-

ней Волге – в Ярославле и Казани, а третье – в Ереване, которое нам удалось локализовать. Сведения о пуске еще одного завода в Баку к тому времени не подтвердились. Вместе с тем нам было известно, что два завода – в Тамбове и Караганде – должны были начать работу к концу 1942 года. Потеря каучукового комбината в Ереване, если бы мы овладели Кавказом, означала бы сокращение производства этого важного сырья примерно на двадцать процентов. Введение в строй новых заводов позволяло Советам выправить положение. Таким образом, по нашим расчетам, Советский Союз был в состоянии полностью покрыть свои военные потребности в каучуке: его производство в 1942 году должно было составить примерно 80 тысяч тонн.

Что касается нефти и нефтепродуктов, то мы исходили из предположения, что потеря Россией кавказских промыслов в 1942 году, если такое произойдет, не окажет существенно-го влияния на ход войны, так как в ее центральных районах в последнее время ведется большая работа по созданию их запасов. Недостаток горючего, который мог бы оказать какое-то влияние на ход военных действий, по нашей оценке, должен был наступить не ранее середины 1943 года.

К оценке военно-экономического положения Советского Союза относился также вопрос, в каких размерах может быть покрыта нехватка стратегического сырья за счет усиленных

поставок из Соединенных Штатов Америки. Поэтому в своем докладе 7 сентября 1942 года я коснулся следующих моментов.

По поступившим сообщениям, в Россию через Владивосток и другие восточные порты в последние месяцы никаких поставок военного имущества не осуществлялось. Да и перевозки через Иран до сих пор не обрели значительных размеров. Строительство железных и шоссейных дорог от Персидского залива к Черному морю, в том числе и к российским границам на Кавказе, еще не закончено. Это, по-видимому, не позволяет западным союзникам организовать переброску через Иран военных материалов и важного стратегического сырья в больших размерах. Поставки ограничиваются небольшими партиями грузовых автомобилей, противотанковых и зенитных орудий, боеприпасов или зенитной артиллерии, авиабомб и танков. Кроме того, направляются самолеты, общее число которых определить трудно, но, по-видимому, оно не превышает нескольких сотен. Самолеты доставляют в разобранном виде в порты Персидского залива, там они собираются в американских мастерских и затем по воздуху перебрасываются в Россию.

Большая часть англо-американских поставок, несомненно, идет морским путем через Мурманск. В результате проведенного некоторое время назад опроса офицеров и матросов британского торгового флота, спасенных с потопленных у берегов Северного Ледовитого океана судов, вырисовыва-

ется следующая картина.

С ноября 1941 года по апрель 1942 года в Мурманск пришло 14 конвоев, в которые входило 190 транспортов. Груз на каждом из них был смешанным: продукты питания (консервы, мука, зерно), военное снаряжение и боевая техника (танки, запасные части к самолетам, авиадвигатели, орудия и боеприпасы), важные военные материалы и сырье (медь, сталь, фосфор) и горюче-смазочные материалы.

По июль 1942 года включительно Советы таким образом получили от союзников до 2800 танков. Судя по этим данным, можно сказать, что поставки военных материалов из США и Англии имели для Москвы немалое значение. В летнее время объем их возрастал, поскольку, кроме Мурманска, использовался порт в Архангельске. Кроме того, летом сокращалось число судов, потопленных нами или затонувших в результате свирепых бурь и штормов, как это случалось в зимние месяцы.

По нашим сведениям, до лета 1942 года уже около 30 советских танковых бригад имели на своем вооружении английские и американские танки: некоторые из них были укомплектованы ими целиком, другие – наполовину. Выявлены следующие типы танков: «Марк II», «Марк III», «Валентайн V», «Генерал Ли» (М-III), а также английские легкие гусеничные разведывательные машины.

Мы установили также несколько советских моторизованных бригад, которые были целиком оснащены англо-амери-

канскими грузовыми автомашинами. По данным опроса военнопленных: советские танкисты недовольны англо-американскими танками, поскольку они во всех отношениях уступали советскому «Т-34». В частности, у них была недостаточная для российских условий проходимость, что было вызвано слишком высоким давлением на грунт; их двигатели плохо работали на советском горючем.

Что касается самолетов, то, по нашим сведениям, до лета 1942 года в Советский Союз были доставлены и использовались в боевых действиях следующие типы:

«Харрикейн» – английский истребитель,

«Бостон II и III» – двухмоторный американский бомбардировщик,

«Аэрокобра» – американский истребитель,

«Томагавк» – американский истребитель,

«Киттихок» – американский истребитель,

«Б-25» – американский бомбардировщик,

«Локхид» – американский транспортный самолет.

Эти самолеты применялись на всех участках фронта, главным образом – на передовой и частично – в тыловых районах. Зимой 1941/42 года их использование значительно снизилось: система смазки двигателей на морозе отказывала.

По многочисленным свидетельствам, русские предпочитали истребители собственного производства, считая их более надежными. К тому же все типы истребителей, поставившихся в Россию, по своим тактико-техническим данным

значительно уступали английским «Спитфайэрам». Да и переучивание летного и обслуживающего состава на иностранные машины создавало серьезные трудности.

Далее я сообщил об установленных нами организационно-структурных изменениях, произошедших в различных родах войск Красной Армии, назвал общую численность и состав русских сухопутных войск и предупредил о возможности введения в боевые действия на фронте армий с Дальнего Востока. И в заключение высказал следующие соображения.

Ход боевых действий и развертывание операций позволяют выразить надежду, что, несмотря на ожидаемое возрастание сопротивления со стороны русских, нашим и союзным нам войскам удастся овладеть нефтеносными районами Кавказа и Сталинградом на Волге и твердо удержать их в своих руках еще до наступления зимы. И хотя в результате этого нельзя рассчитывать ни на уничтожение Красной Армии, ни на то, что воля русских к сопротивлению будет настолько ослаблена, что можно будет ожидать крушения России в ближайшее время, все же захват этих весьма важных в экономическом отношении районов поставит советскую военную экономику в весьма затруднительное положение.

От достижения нами конечной военной цели в следующем году нас отделяет еще зима, когда русские, уповая на свое превосходство в ведении боевых действий в зимних условиях, попытаются, как и зимою 1941/42 года, нанести нашим

войскам, сражающимся вот уже полтора года в сложнейших условиях, серьезные потери в людях и технике. Причем настолько большие, что вопрос о новом немецком наступлении в следующем году отпадет сам собой. К тому же следует считаться с возможностью появления в тылу наших войск многочисленных подвижных партизанских отрядов и развертывания хорошо организованных иррегулярных действий, что неминуемо свяжет значительную часть имеющихся еще в нашем распоряжении сил и средств. В связи с применением русскими такой тактики не исключена вероятность возникновения кризисных ситуаций на ряде участков фронта, как и прошлой зимой, поскольку немецкие части будут ослаблены.

Я счел целесообразным привести краткое содержание докладов, которые сохранились у меня в оригинале, поскольку они наглядно иллюстрируют успехи метода мозаики, применявшегося нашей разведывательной службой.

Когда я вступил в должность, Гальдер, благословляя меня, подчеркнул, что ожидает от отдела не только глубокого анализа ежедневного положения на фронте, но, главным образом, оценки оперативных намерений противника и его возможностей в перспективе.

Вскоре у меня сложилось впечатление, что работа отдела может быть значительно улучшена в свете требований начальника генерального штаба, если будут устранены некото-

рые организационные недостатки и трудности психологического характера.

Основное психологическое упущение, на мой взгляд, заключалось в традиционной недооценке службы «1-Ц» и ее деятельности, в особенности разведывательной. Так, по данным покойного полковника Николаи, возглавлявшего во время Первой мировой войны немецкую разведку, она перед самой войной имела в своем распоряжении лишь 300 тысяч марок в год. И генерал-фельдмаршал граф фон Шлифен в одном из своих остроумных очерков, посвященном характеристике современного полководца, саркастично высказался о таком пренебрежении службой «1-Ц», от которого в свое время не был свободен и я. Что же касается структуры и штатов этой службы, то здесь еще в мирное время ощущался недостаток кадровых офицеров. Так, по штатному расписанию генерального штаба от 3 января 1939 года в 12-м отделе предусматривалось всего семь офицеров.

В штабе армейского корпуса имелся лишь один офицер этой службы. В большинстве своем должность занимали молодые капитаны – кандидаты в офицеры генерального штаба, проходившие там практику. К тому же они не только представляли службу «1-Ц», но и являлись одновременно уполномоченными контрразведки.

В дивизии по штатам мирного времени должность офицера по сбору и обработке данных о противнике вообще не предусматривалась. Во время войны ее занимали по боль-

шей части офицеры запаса, которые зачастую добивались изумительных результатов. Конечно же такое пренебрежительное отношение к деятельности по линии «1-Ц» было не оправдано, поскольку здесь от офицера, особенно в высших штабах, требовалось широкое и нестандартное мышление, если он хотел соответствовать своему назначению. Я бы сказал, он должен был думать одновременно в двух направлениях. Мало было знать точное наименование частей противника, их численность и вооружение. Нужно было сказать достаточно определенно и конкретно о намерениях врага. А это предполагало тонкое знание образа мыслей и принципов штабного персонала противной стороны. Объясняя возможные действия своих врагов, офицер службы «1-Ц» должен был уметь отстаивать принципы противника и доказывать своему начальству, что тот не может поступить иначе. А такое, как правило, с большим трудом удавалось молодым и младшим по званию.

Поэтому вскоре после моего вступления в должность я обратился к начальнику генерального штаба с предложением о повышении значимости службы «1-Ц», с тем чтобы ее должности были приравнены к должностям службы «1-А»⁸. Моя просьба была удовлетворена. Правда, офицер службы «1-А» все же оставался «первым среди равных», как говорили римляне, но это была скорее своеобразная дань вежливости. А по сути дела, реорганизация повысила значение службы «1-

⁸ Речь идет об оперативных отделах и отделениях соответствующих штабов.

Ц»: ее данным в штабах стали уделять большее внимание и серьезно прислушиваться к мнению ее офицеров.

Вторым большим упущением, по моему мнению, было недостаточное сотрудничество с другими службами и управлениями, располагавшими значительными возможностями по сбору интересовавших нас данных, в особенности – с управлением военной разведки и контрразведки – абвером. Я довольно часто получал и оттуда информацию, содержание которой хотя и представляло определенный интерес, но все же оставляло желать много лучшего. Недостаток этот проистекал не от небрежности или незаинтересованности. Дело в том, что инициатива на фронте вплоть до последнего времени оставалась в руках немцев: военные операции приносили быстрые и крупные успехи. Поэтому вполне естественно, что внимание службы «1-Ц» и оперативного управления верховного главнокомандования было сконцентрировано главным образом на текущих делах, охватывая лишь ближайшее будущее. Управление разведки и контрразведки, в связи с нехваткой времени для передачи нам полученных им сведений, играло при этом незначительную роль. В тот период мы опирались главным образом на данные войсковой разведки. Их тогда вполне хватало, хотя меня ныне иногда удивляет, как это при небольшом объеме информации мы добивались крупных успехов.

Но чудесное то время закончилось, когда потерпела неудачу летняя кампания 1941 года. Теперь противник,

пусть даже на короткий срок, захватил инициативу. В связи с этим возросла необходимость проведения перспективного анализа возможностей и оперативных замыслов русских, чтобы избежать новых неприятных неожиданностей.

При таком положении вещей я очень скоро связался с адмиралом Канарисом⁹, которого до тех пор знал лишь понаслышке. Его управление военной разведки и контрразведки было подчинено непосредственному верховному главнокомандованию вермахта. Я поставил перед собой цель сделать наше сотрудничество более тесным и интенсивным. Очень скоро между нами установились прочные личные контакты.

⁹ Канарис Фридрих Вильгельм (1887-1945) – немецкий адмирал. В 1935 – 1944 годах – начальник военной разведки и контрразведки гитлеровской Германии. В 1944 году арестован за участие в заговоре против Гитлера. Казнен в апреле 1945 года в лагере Флоссенбюрг.

СОТРУДНИЧЕСТВО С КАНАРИСОМ

Личность адмирала даже по прошествии многих лет после его трагической смерти – он был казнен 9 апреля 1945 года после весьма сомнительного расследования, произведенного эсэсовским судом в концлагере Флоссенбюрг, – до сих пор окутана покровом неопределенности и двойственности. Он разделил участь многих выдающихся представителей разведывательной службы как внутри страны, так и за рубежом, в числе которых был и полковник Николаи. В некоторых публикациях авторы, которые наверняка не знали Канариса лично и тем более не были с ним в близких отношениях, критикуют его поступки и действия. Они обвиняют адмирала в нерешительности, недостаточной выдержке, но чаще всего – в непредсказуемости. На личность начальника абвера бросают тень сделанные после войны сомнительные разоблачения его в том, что он, мол, пытался изменить отечеству, как это было, например, при расследовании дела Ресслера¹⁰. По моему мнению, все эти весьма неопределенные и мало аргу-

¹⁰ Ресслер Рудольф – ценный агент советской военной разведки (псевдоним Люди). Во время войны входил в нелегальную резидентуру Доры (Шандора Радо) в Швейцарии. Располагал важными источниками информации в высших правительственных и военных кругах Берлина. Арестован в конце войны швейцарскими властями, но вскоре был освобожден. Сейчас его нет в живых.

ментированные версии вносят путаницу в оценку действий Канариса и не только не приближают нас к истине, но еще больше удаляют от нее. Против сочинителей таких историй говорит, прежде всего, то глубокое уважение и даже восхищение, которое бывшие сотрудники абвера питают до сих пор к адмиралу. В словах этих людей звучит не только благодарность за сердечную заботу о них, но и почтение к нему как к незаурядной личности.

В Канарисе, наряду с его религиозностью и верностью офицерской чести, пожалуй, сильнее всего поражала фундаментальная образованность – явление довольно редкое среди высших офицеров. В нем было многое от идеалов и воззрений первой половины девятнадцатого века, которые способствовали выдающимся офицерам прошлого – таким, как Роон, фон дер Гольц, граф Йорк фон Вартенбург, а также Клаузевиц и Мольтке¹¹, – достичь высоких научных вершин, далеко выходящих за узкие рамки военного дела. Наряду с широкой и глубокой образованностью, Канарис, в отличие от многих флотских и армейских офицеров, не видевших абсолютно ничего за пределами Северного и Балтийского моря и границами Германии, обладал способностью разбираться во взаимосвязях мирового масштаба. С этим было связано и

¹¹ Клаузевиц Карл фон (1780-1831) – немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии. Участвовал в войне с Францией в 1806-1807, 1812 – 1815 годах (в 1812-1814 годах на русской службе). Мольтке Хельмут Карл, граф (1800-1891) – германский генерал-фельдмаршал, военный теоретик. С 1858 года начальник прусского, в 1871 – 1888 годах – германского генштаба.

его тонкое восприятие развития политических событий, которые он довольно часто пересказывал с поразительной точностью. Правда, в этой области он не находил достойных собеседников – за исключением разве Фритча, Браухича, Бека¹² и Гальдера, – которые были бы способны серьезно воспринимать его суждения. Неудивительно, что Канарис уже в начале военных действий против России серьезно оценивал сложившуюся обстановку, а также перспективу благополучного для Германии исхода войны. Вот почему ему особенно тяжело было видеть, что руководители немецкого государства скептически относились к его прогнозам и отводили ему роль неудавшейся современной Кассандры¹³.

К национал-социализму Канарис относился отрицательно. Как и генерал-полковник Бек, он страдал оттого, что его внутренний религиозный настрой входил в противоречие с принятой им военной присягой. Его душевные страдания

¹² Генерал-полковник Ф р и т ч командовал сухопутными войсками до начала 1938 года. Он, как и главнокомандующий вермахта генерал-фельдмаршал Бломберг, не устраивал Гитлера. Поэтому гестапо состреляло на обоих генералов дела об аморальном поведении. Они были сняты со своих постов, а Гитлер стал вождем немецкого народа и главнокомандующим вермахта. Фритча сменил Браухич, а Бека – Гальдер. Браухич Вальтер фон (1881 – 1948) – генерал-фельдмаршал. В 1938 – 1941 годах главнокомандующий сухопутных войск. Уволен в отставку за провал молниеносной войны против СССР и разногласия с Гитлером. Бек Людвиг (1880 – 1944) – генерал от артиллерии. В 1935 – 1938 годах начальник генерального штаба сухопутных войск. Уволен за разногласия с Гитлером. Один из руководителей заговора 20 июля 1944 года против фюрера.

¹³ Кассандра – в древнегреческом эпосе: дочь троянского царя Приама и Гекубы, пророчица, зловещим предсказаниям которой никто не верил.

безмерно обострились из-за сознания того, что, хотя Германия, вступившая в войну по вине Гитлера, вела борьбу не на жизнь, а на смерть, ей, несмотря на тяжелейшие жертвы, предстояло пережить полное поражение. Он не принимал всерьез оптимистические пропагандистские заверения нацистских бонз и их союзников о конечной победе рейха. Его не успокаивали и заверения западных держав, что в случае их победы вся ответственность за войну ляжет лишь на национал-социалистов. Мне вспоминается наш долгий доверительный разговор в 1942 году, когда Канарис, затронув в ходе беседы вопрос о разглашении государственной тайны и государственной измене, пришел к выводу: можно будет даже оправдать последнюю, учтя исключительность военной ситуации и позицию тогдашнего высшего руководства. Тот, кто брал на себя такую миссию, по мнению адмирала, должен был постоянно помнить, что только полное поражение Германии могло создать условия для справедливой правовой оценки его действий. Поэтому человек, решившийся на такой шаг, рисковал не только собой, но и своими близкими.

Сам же Канарис действовал как раз по такому принципу. Он взял немало людей, попавших под подозрение из-за своих политических взглядов, под защиту абвера, в результате чего гестаповцы долгое время не могли заполучить их в свои руки. Честный немецкий патриот, он подтвердил свою позицию, выдержав ужасные пытки и с достоинством приняв смерть, как об этом рассказали оставшиеся в живых узники

концлагеря Флоссенбюрг.

В другой раз наша беседа приняла весьма оживленный характер после того, как Канарис с явным возмущением упомянул о полученном им от Гитлера задании убить Черчилля. Он отклонил это задание так же, как и за некоторое время до того проигнорировал приказ разыскать бежавшего французского генерала Жиро¹⁴ и «прикончить его на месте». В связи с этим следует упомянуть, что Канарис решительно отвергал политические убийства. Его глубокая религиозная убежденность абсолютно запрещала ему даже думать о подобной возможности. К этому я, с полной определенностью, могу добавить, что 2-й отдел его управления, в задачу которого входили диверсии и саботаж, в отличие от советского КГБ¹⁵ и его методов, выводил из строя лишь важные в военном отношении объекты во вражеском тылу. Указания об устранении отдельных выдающихся деятелей противника Канарисом решительно отклонялись, даже если они исходили от политического руководства Германии.

В одной из обстоятельных бесед мы с адмиралом пришли к выводу: Советы, по-видимому, имеют в высшем эшелоне власти нашей страны хорошо ориентирующийся в обстановке источник информации. Не раз, независимо друг от друга,

¹⁴ Жиро Анри (1879 – 1949) – генерал, во время Второй мировой войны верховный комиссар Франции в Северной Африке. Сопредседатель Французского комитета национального освобождения. В 1943 – 1944 годах командовал вооруженными силами ФКНО.

¹⁵ В то время КГБ еще не существовал, был – НКВД.

мы убеждались, что через весьма короткий промежуток времени решения, принятые немецким руководством на самом высоком уровне, до мельчайших подробностей становились достоянием противника.

Здесь я хочу нарушить свое длительное молчание и сообщить о тщательно скрывавшемся Советами секрете, который может стать ключом к пониманию одной из самых удивительных и загадочных историй нашего века. Речь идет о роковой роли, которую сыграл ближайший соратник и доверенное лицо Гитлера Мартин Борман¹⁶ во время войны и первые послевоенные годы. Он был важнейшим источником информации и консультантом Советов, начав работать на Москву еще до русской кампании.

Канарис и я – каждый своим путем – установили следующий неоспоримый факт: Борман располагал единственной в Германии неконтролируемой радиостанцией. Однако для нас было абсолютно ясно: скрытно наблюдать за одним из

¹⁶ Борман Мартин (1900-1945?) – ближайший помощник и советник Гитлера, его заместитель по национал-социалистической партии. В начале мая 1945 года исчез в окруженном советскими войсками Берлине из бункера новой имперской канцелярии после того, как фюрер окончил свое существование. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни как один из главных военных преступников. В 1973 году признан западногерманским судом умершим. Достоверных сведений о его судьбе не сохранилось. Поэтому возникло множество версий о том, что Борман в мае 1945 года остался жив и скрывался, по крайней мере, десять – двадцать лет в разных районах земного шара – в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Африке и даже... в СССР. Все эти версии до сих пор не получили подтверждения.

могущественных людей, стоявшим в национал-социалистической иерархии сразу после Гитлера, в то время было невозможно. Любой неосторожный шаг означал бы, что с нами мгновенно будет покончено. Канарис поделился со мною казавшимся ему подозрительным фактом и попытался выяснить мотивы изменнической деятельности рейхсляйтера. Он не исключал того, что Бормана шантажировали, но полагал, что, скорее всего, побудительными причинами стали безграничное тщеславие и закомплексованность, а также неудовлетворенные амбиции занять, естественно в подходящий момент, место Гитлера. Нам теперь известно, сколь искусно Борману удалось скомпрометировать в глазах фюрера поочередно своих опаснейших соперников – Геринга и Геббельса.

Мои предположения подтвердились лишь после 1946 года, когда представилась возможность провести расследование обстоятельств таинственного исчезновения Бормана из бункера Гитлера в Берлине. Неоднократно появлявшиеся в международной прессе утверждения, что бывший рейхсляйтер якобы живет в непроходимых джунглях между Парагваем и Аргентиной в окружении вооруженной до зубов личной охраны, лишены всякого основания.

Две полученные мною в пятидесятых годах заслуживающие доверия информации позволяют утверждать, что Борман находился в Советском Союзе, само собой разумеется, под чужой фамилией и с надежной охраной.

Бывший заместитель Гитлера по партии переметнулся к Советам в тот момент, когда Красная Армия, завершив штурм Берлина, окружила здание новой имперской канцелярии, под которым в глубоком бункере скрывался Гитлер со своими приспешниками.

Сейчас Бормана уже нет в живых.

узь1

Управление военной разведки и контрразведки (абвер) состояло из иностранного отдела, руководившего деятельностью военных атташе, с задачами: изучение внешней политики и экономики государств, их вооруженных сил, а также отделов:

абвер I – добыча разведывательной информации;

абвер II – организация диверсий, разложение войск противника;

абвер III – контрразведка и разведка в целях контршпионажа.

То, что Канарис являлся подряд вторым адмиралом¹⁷, возглавлявшим управление, было, конечно, случайностью. Однако представители ВМС пытались позднее утверждать, что пребывание морских волков у руля разведслужбы вовсе не стечение обстоятельств. Я считаю их претензии совершенно несостоятельными. Мне предельно ясно, что начальник раз-

¹⁷ Так у автора. На самом деле предшественником Канариса на посту начальника управления разведки и контрразведки рейхсвера (до 1935 года) был не адмирал, а капитан 1-го ранга Конрад Пациг.

ведки должен быть выходцем из этой службы, будучи специалистом высшей квалификации. О том же свидетельствует опыт всех стран. Назначение шефа разведслужбы из числа политиков или высших чиновников других ведомств нужно рассматривать лишь как промежуточное решение вопроса, вызванное особыми на то причинами. Во всех известных мне случаях такое лицо впоследствии непременно заменялось специалистом, чтобы обеспечить преемственность и качественный уровень деятельности службы.

У абвера была собственная организация, состоявшая в значительной своей части – так же, как и в британской разведке, – из лиц, заслуживавших особого доверия, но не занимавших штатных должностей. Мнение, что такой способ служения отчизне является почетным делом, своего рода «джентльменским бизнесом», было широко распространено в нашем обществе.

Управление военной разведки и контрразведки занималось сбором не только военной, но и политической информации. Через верховное главнокомандование вермахта, которому управление подчинялось непосредственно, сведения направлялись в соответствующие государственные инстанции. Канарис располагал за рубежом многочисленными личными связями, зачастую с высокопоставленными лицами, которых он постоянно навещал во время своих частых поездок. Особенно тесные контакты он поддерживал в Португалии и Испании, не прерывая их во время войны. Однажды

адмирал упомянул, что ему в 1940 году и затем в 1941-м поручали побудить Испанию вступить в войну на нашей стороне. Однако он считал, кстати как и Гальдер, что это имело бы лишь негативные последствия для Германии. Ей пришлось бы взять на себя дополнительную ношу: слабость Испании в военном отношении была очевидной. Кроме того, для Берлина закрылась бы еще одна дверь в мир. Пиренейская миссия, к большому облегчению Канариса, закончилась безуспешно.

В абвере не было отдела, который занимался бы анализом и оценкой полученной разведывательной информации. Это, несомненно, большой недостаток: оперативные работники – добытчики информации – в большинстве своем не обладают достаточными аналитическими способностями. Сам Канарис был великолепным аналитиком, но, естественно, не мог взять на себя весь этот участок. В результате отсутствия постоянного и систематического анализа с использованием всех имевшихся в управлении материалов многие агентурные сообщения оценивались слишком высоко. К такому выводу я пришел, сотрудничая с абвером, что и побудило меня после 1945 года, с самого начала моей новой деятельности, позаботиться о создании эффективного информационно-аналитического аппарата, который использовал не только секретные данные, но и открытые материалы. Некоторые влиятельные лица в разведке и правительственном аппарате возражали против моего шага. Впоследствии они убедились

в том, что заблуждались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.